

Маслов Алексей Николаевич

**Путевые наброски. За Пиренеями.
Мадрид. Севилья. Гренада.
Биарриц. Париж. В стране
мантильи и кастаньет**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
А47

А47 **Алексей Николаевич М.**
Путевые наброски. За Пиренеями. Мадрид. Севилья. Гренада. Биарриц. Париж. В стране
мантильи и кастаньет / Маслов Алексей Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
255 с.

ISBN 978-5-519-95668-0

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов

ISBN 978-5-519-95668-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

покровительницамъ искусства, если только воображаемые мужики не сдѣлали этого безъ моего разрѣшенія.

Теперь на счетъ рѣки. Рѣка въ какихъ нибудь пяти верстахъ: она не судоходная и даже «не купальная», какъ говорятъ мальчишки и пѣтухи, переходя оную въ бродъ, но въ ней водятся превосходные лини и окуни, но я не люблю ни тѣхъ, ни другихъ, потому, быть можетъ, что покойный Суворовъ говаривалъ, что окуней въ сметанѣ любятъ только обжоры или пьяницы.

Въ саду, около дома, полуразвалившаяся бесѣдка, гнилыя скамьи, источенныя муравьями, на позеленѣлыхъ столбикахъ; одна изъ нихъ скрыта въ такомъ темномъ мѣстѣ, что тамъ по ошибкѣ можно объясниться въ любви первой попавшейся бабѣ или теленку, не возбудивъ ничьей ревности. Посреди сада — прудъ, хотя и проточный, но проросшій мѣстами тростникомъ и задернутый лиліями, тиной и цѣлыми миллионами мошекъ, которыя даже не жужжатъ; съ краю, гдѣ «поглубже», древніе остатки мостковъ и купальни; вода теплая, какъ подливка къ котлетамъ, когда се принесутъ изъ трактира на домъ. Окунешься нѣсколько разъ и вытянешь на себѣ изъ воды пуда два тины. Захочешь на охоту — была бы лишь охота: всегда гдѣ нибудь есть болото или мочежина.

Что можетъ быть лучше
Охотничьей жизни!

Затѣмъ молоко, яйца, творогъ, грибы, ягоды—

ѣшь вволю; за говядиной только посылай въ городъ. Что же касается прохладительнаго, то что можетъ быть вкуснѣе и удивительнѣе самодѣльныхъ «водичекъ» изъ смородинаго листа, земляники, малины и другихъ ягодъ? Конечно, ничего не можетъ быть лучше. И ни отъ какого шампанскаго не хлопаютъ такъ пробки и не рвутъ такъ бутылки, какъ отъ этихъ самыхъ «водъ». Это ли не житье?

Несмотря однако на всѣ эти прелести, которыя обрѣтаются въ моей фантастической деревнѣ, не смотря на россійскій просторъ, на наши необозримыя поля, подобно широкимъ полямъ богато изданной книги, для которой бумаги не пожалѣли, мы все-таки стремимся на западъ, въ болѣе тѣсныя, но неизвѣданныя нами мѣста...

Весьма вѣроятно, что эти тѣсныя и неизвѣданныя мѣста мы начнемъ находить когда нибудь и на собственной родинѣ, которая такъ велика, что конца ей нѣтъ; тогда вѣроятно и иностранцы поѣдутъ къ намъ, подобно тому какъ мы ѣздили къ нимъ, и въ эти грядущія времена мы будемъ уже не то, что прежде, такъ какъ наши русскіе секреты всѣмъ будутъ извѣстны, разболтаны и росписаны разными Альберами Вольфами и другими знаменитостями, которые тогда однако за знаменитостей уже ходить не будутъ. Тому же французскому корреспонденту, который во время коронованія ѣздилъ по Москвѣ на тройкѣ, запряженной четверкой лошадей, по тому же закону пониженія придется поступить въ кучера и во-

зять на себѣ болѣе образованныхъ чѣмъ онъ литераторовъ...

Теперь — къ дѣлу, т. е. къ Біаррицу. Въ виду начинающагося лѣтняго перекочевыванія русскихъ за границу, я пользуюсь удобнымъ случаемъ возобновить свои воспоминанія и рассказать то, что помню и вообще кое-что по поводу этого городка, пріотившагося на берегу Гасконскаго моря. Не помню теперь, когда Біаррицъ выплылъ на сцену и сталъ извѣстенъ путешественникамъ, своимъ климатомъ, удобными морскими купаньями и живописнымъ мѣстоположеніемъ. Знаю только, что французамъ онъ уже извѣстенъ давно, что императрица Евгенія очень любила Біаррицъ, но Трувилль былъ въ большей модѣ и русскіе ѣздили въ Трувилль и Остенде; виды Трувилля появлялись въ иллюстраціяхъ, а въ парижскихъ карикатурныхъ журналахъ каждое лѣто помѣщались цѣлыя страницы игривыхъ каррикатуръ, подъ названіемъ: «Морскія купанья» или «Наши купальщики»... Затѣмъ неожиданно выплылъ Біаррицъ, о немъ заговорили и Бретань отошла на второй планъ. Въ прошломъ году я собрался въ Біаррицъ во второй половинѣ нашего сентября. Въ это время купальные «сезоны» вездѣ кончаются; уже въ первыхъ числахъ этого мѣсяца весь модный Парижъ бросаетъ морскіе берега и возвращается въ свою излюбленную столицу. Но, такъ какъ «сезоны» выдуманы людьми и отъ отъѣзда нѣсколькихъ франтиковъ и франтихъ солнце не можетъ внезапно потухнуть, а волны остынуть, то я все-

таки рѣшилъ ѣхать. Послѣ парижскаго лѣтняго сезона для счастливаго Біаррица наступаетъ еще два: русскій, такъ какъ русскіе продолжаютъ купаться еще въ сентябрѣ и въ октябрѣ и наконецъ англо-испанскій, когда англичане, американцы и испанцы съѣзжаются сюда съ своими семействами на зиму.

Желѣзная дорога изъ Парижа въ Біаррицъ проходитъ черезъ Орлеанъ, Туръ, Ангулемъ и Бордо. Все это мѣста весьма интересныя для путешественниковъ; чудесный Турень по справедливости носитъ названіе сада Франціи. Вся эта провинція, орошаемая Луарой, положительно тонетъ въ зелени садовъ, виноградниковъ и плодородныхъ полей. Все превосходно обработано, покрыто отличными дорогами и оживлено множествомъ маленькихъ и живописныхъ городковъ. Впрочемъ, изъ окна желѣзнодорожнаго вагона много не увидишь и не узнаешь, потому что поѣздъ несется быстро и одно впечатлѣніе смѣняется другимъ, и если вы, читатель, хотите познакомиться съ Туренемъ, то изберите болѣе медленный способъ передвиженія.

Біаррицъ расположенъ въ двухъ или трехъ километрахъ отъ желѣзнодорожной станціи «Négresse», которую впрочемъ обязательные кондукторы, чтобы не сбить съ толку недогадливаго путешественника, называютъ Біаррицъ. «Négresse! кричатъ они, cinq minutes d'arrêt...

M-eurs les voyageurs à Biarritz, sortez, s'il vous plait!..

Въ небольшомъ вокзалѣ васъ уже ожидаютъ, впрочемъ, довольно спокойно, комиссіонеры отъ разныхъ гостинницъ и отъ общества экипажей въ импровизированныхъ ливреяхъ и шляпахъ. Они сажаютъ васъ въ омнибусъ и укладываютъ на верхъ вапъ чемоданъ. Бритый кучеръ въ высокихъ сапогахъ, въ длинной бѣлой ливреѣ съ металлическими пуговицами, въ красномъ двубортномъ жилетѣ и въ клеснчатомъ цилиндрѣ съ кокардой на боку, взлѣзаетъ на козлы и, звонко хлопая бичемъ, везетъ васъ въ гостинницу. Дорога къ городу идетъ по шоссе, вдоль котораго тянутся изгороди, жидкіе садики и небольшой паркъ, ходящій подъ названіемъ Булонскаго лѣса.

Весь городъ расположенъ на холмистомъ берегу, который по мѣрѣ удаленія на югъ, къ Пиринеямъ, сначала возвышается надъ моремъ, а потомъ, подобно волнѣ, падаетъ и опять поднимается. Городъ не великъ и въ неправильномъ расположеніи домовъ и улицъ видна лихорадочная поспѣшность, съ которой Біаррицъ изъ деревушки обращается къ городу. Самыя большія и наиболѣе оживленныя улицы «rue de France» и «Mazagran», носящая одинаковое названіе съ мѣстечкомъ въ Оранѣ (въ Алжирѣ), въ которомъ въ 1840 году 123 французъ защищались противъ 12 тысячъ арабовъ. Эти улицы и прилежающія къ нимъ площади

(Belle Vue, S-te Eugénie, de la Mairie) наиболѣе изобилуютъ отелями, а слѣдовательно и иностранцами, отъ наплыва которыхъ французы защищаются съ меньшей отвагой и охотой, чѣмъ противъ арабовъ.

Кромѣ того, всякая дрянная улица имѣетъ свое «названіе»: «Croix - des - Champs», «rue des Basques», «rue d'Espagne», «d'Imprimerie», «Silhouette» и другія. Біарроты пока не столь самонадѣянны и еще не устроили у себя Петербургской или Берлинской улицъ, подобно парижанамъ, которые, считая свой городъ столицей земного шара, собираютъ названія со всей вселенной, и гдѣ у насъ скромная Гороховая или Мясницкая, тамъ у нихъ навѣрно была бы Неаполитанская или Миланская, въ память занятія этихъ городовъ русскими войсками, а вмѣсто Морской былъ бы Синопскій бульваръ.

Вліяніе Парижа на провинцію выражается въ подражаніи провинціального города своей столицѣ; оно отражается на всей внѣшней, показной сторонѣ города, въ перениманіи названій, въ устройствѣ улицъ, въ архитектурѣ, въ отеляхъ и фіакрахъ. Объ этомъ обо всемъ заботятся торговцы и люди живущіе праздно своими доходами, которые незыблемо твердо убѣждены, что дальше Парижа идти нельзя и что Парижу достаточно поперхнуться, чтобы вся провинція закашляла.

Это вліяніе Парижа на верхній слой не унич-

тожаетъ однако въ конецъ своеобразной оригинальности беарнцевъ и гасконцевъ и, если приглядѣться внимательнѣе, то и у нихъ существуетъ что-то свое, что ихъ отличаетъ отъ населенія сѣверныхъ провинцій, или Бургундіи, или Прованса.

Поговорка «что не городъ, то нѣровъ», такъ идущая къ Россіи, гдѣ, напримѣръ, между Москвой и Петербургомъ столько же сходства, сколько между сапогомъ и перчаткой, поговорка эта подходитъ отчасти и къ французскимъ городамъ.

Я говорилъ выше, что число домовъ въ Біаррицѣ увеличивается съ лихорадочною поспѣшностью и что наплывъ путешественниковъ-французовъ и иностранцевъ въ особенности въ августѣ мѣсяцѣ бываетъ такъ великъ, что найти помѣщеніе по близости отъ главнаго купальнаго мѣста бываетъ очень трудно и стоятъ онѣ, во время лѣтняго сезона, довольно дорого. Одинъ постоянный обитатель Біаррица мнѣ говорилъ, что въ теченіи послѣдняго года было выстроено около восьмидесяти новыхъ домовъ. Если онъ ошибся, то я слагаю отвѣтственность на него. Впрочемъ, вспоминая крыловскую басню о римскомъ огурцѣ, я долженъ оговориться, что все это дома, кромѣ отелей, «маленькіе», двухъ и одно-этажные. Почва въ Біаррицѣ свѣтло-сѣрая и довольно твердая; послѣ дождя улицы высыхаютъ довольно скоро; правда, что онѣ всѣ шоссированы.

Особымъ богатствомъ растительности Біаррицъ похвастаться не можетъ: въ городѣ кое-гдѣ на улицахъ попадаются каштановыя деревья и нѣсколько жиденькихъ садиковъ. Лѣсокъ съ сѣверной стороны постепенно вырубается; онъ состоитъ изъ особой породы сосны съ мягкими иглами, далеко не достигающей такихъ размѣровъ, какъ наша сѣверная сосна и не имѣющей здороваго аромата послѣдней. Крутые береговые склоны также мѣстами покрыты этими соснами.

Къ самому берегу моря, гдѣ образуется съ сѣверной стороны широкая песчаная отмель ведутъ крутыя и извилистыя дорожки. Это называется — «Grande Plage». Здѣсь на отмели стоитъ длинное деревянное зданіе съ галереей для защиты отъ солнца и гулянья во время дождя. Зданіе раздѣлено на двѣ половины — мужскую и дамскую, но подъ конецъ сезона, когда число купающихся значительно уменьшается, дамы и кавалеры раздѣваются на одной половинѣ. Внутри барака устроены небольшія кабинеты для раздѣванья и отгорожены отдѣленія для кассы и храненія простынь и купальныхъ костюмовъ. «Grande Plage» весьма слабо вдается въ берегъ, волненіе во время вѣтра здѣсь порядочное и немного только умѣряется цѣпью отдѣльныхъ скалъ, торчащихъ изъ моря съ южной стороны и постепенно уменьшающихся и обращающихся въ большіе камни, по мѣрѣ удаленія въ море. Это наиболѣе удоб-

ное и пріятное мѣсто для купанья и для прогулокъ.

На югъ, вдаль моря, видъ берега очень живописенъ. На ближайшія скалы перекинуты мостики, дорога то идетъ низомъ около «большой рыболовной тони», то подымается наверхъ берега, въ которомъ океанъ промылъ причудливые заливчики и подземные каналы, съ нависшими громадными глыбами земли, готовыми обрушиться вмѣстѣ съ домами, стоящими на самомъ краю. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, по распоряженію города, уже не живутъ, такъ какъ они того и гляди обратятся въ развалины. Такимъ образомъ, море ведетъ постоянную борьбу съ людьми и въ особенности съ содержателями отелей и разныхъ меблированныхъ домовъ. Эти господа стараются пріобрѣсть мѣста на самомъ берегу, чтобы быть поближе къ купаньямъ, а слѣдовательно, и къ карманамъ путешественниковъ, а море, въ которомъ не мало потоплено золота и дно еще «дорогія жемчужины тaitъ», медленно, но вѣрно разрушаетъ ихъ ловушки и гонитъ назадъ отъ берега.

Затѣмъ слѣдуетъ «Vieux-Port». Тутъ море довольно круто вдается въ берегъ и образуетъ маленькій заливъ съ неширокимъ проходомъ въ океанъ и защищенный высокими берегами отъ вѣтра. Черезъ заливъ перетянутъ канатъ. Здѣсь также устроены кабины. Волненія почти никакого; во «Vieux-Port» купаются болѣе слабые и больные люди, на которыхъ дѣйствуетъ сильный ударъ морской волны. Для желающихъ принять ванну изъ

нагрѣтой морской воды имѣется на верху особое зданіе; а если кто хочетъ посовѣтоваться по части температуры, химическаго и физическаго дѣйствія морской воды, то для этого наѣзжаютъ отовсюду французскіе доктора, которые выдумаютъ вамъ какую угодно болѣзнь и какъ хотите васъ напугаютъ. Однимъ словомъ — все есть, были бы деньги... Далѣе, по направленію къ Испаніи, берегъ идетъ почти въ прямой линіи, дѣлается круче и почти безъ отмелей опускается въ море. За городомъ онъ носитъ названіе «Côtes des Basques». — Тамъ, въ сторонѣ, на дорогѣ, попадаются виллы богатыхъ иностранцевъ и между прочимъ удивительная вилла одной англійской леди. Эта леди, по словамъ мѣстныхъ жителей, весьма оригинальная особа, живетъ одна, днемъ занимается живописью, а по вечерамъ тянетъ въ одиночку хересь въ большомъ количествѣ.

II.

Наши соотечественницы за границей. — Незнакомка и морскія волны. — Купальные костюмы. — Поэтъ-пирожникъ.

Въ день пріѣзда я порядочно раскаявался въ томъ, что меня попутало посѣтить Біаррицъ и я невольно вспоминалъ совѣты, которые давали мнѣ въ Парижѣ разные знатоки сезоновъ. Небо было пасмурное и цѣлый день шелъ проливной дождь, придавая крайне невеселый видъ этому малень-